

ПОНЯТИЕ ЭКСПРОПРИАЦИИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И ДОКТРИНЕ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Алексей Зеньков

Существование международных обязательств Республики Беларусь по предоставлению гарантий иностранным инвесторам на случай экспроприации на фоне отсутствия данного правового института в национальном законодательстве, по нашему мнению, свидетельствует о необходимости совершенствования последнего [10].

Для формулирования понятия экспроприации, которое могло бы рассматриваться в качестве основы для закрепления соответствующей нормы в гражданском законодательстве Республики Беларусь в целях совершенствования правового регулирования отношений собственности, в том числе с участием иностранного элемента, представляется необходимым изучение данного вопроса в историческом контексте. В опубликованной статье «Экспроприация: генезис понятия в дореволюционном и советском гражданском праве» мы проследили развитие правовых институтов, регулирующих вопросы принудительного изъятия государством имущества частных лиц в общественных интересах, охватив последние годы существования Российской Империи, в состав которой входили земли современной Беларуси, а также революционные годы, ознаменовавшие начало советского периода нашей истории [10].

Как следует из изложенных автором выводов к указанной статье, в дореволюционном праве Российской Империи понятие экспроприации подробно разрабатывалось на теоретическом уровне учеными-правоведами (В. М. Венещианов, Ю. С. Гамбаров, Н. П. Шалфеев, Г. Ф. Шершеневич и др.), которые не только восприняли идеи о сути данного института, сформированные западноевропейскими юристами того времени, но и развили их в своих научных трудах. Свод законов Российской Империи подробно регламентировал вопросы *возмездного* принудительного отчуждения недвижимого имущества, принадлежащего на праве собственности или ограниченном вещном праве частным лицам, временного изъятия или установления права участия в пользовании таким имуществом. В контексте революционных преобразований первой четверти

XX в. экспроприация утратила свое значение как правовой институт, тем не менее, сохранив свою актуальность в качестве универсальной теоретической категории, отражающей процессы *безвозмездного* принудительного перераспределения собственности.

Полагаем, что анализ законодательства и правовой мысли периода существования БССР, в течение которого сформировались многие базовые концепции и институты, по сей день существующие в праве Беларуси, обеспечит комплексное понимание тех тенденций и причин, которыми обусловлена специфика современного белорусского законодательства о возмездных принудительных изъятиях.

Целью настоящей статьи является выявление основных подходов к определению и регулированию вопросов экспроприации и, как результат, выделение основных элементов понятия «экспроприация», присутствовавших в праве Беларуси в рассматриваемый исторический период (с 20-х гг. XX в. по 1991 г.). При подготовке статьи автором изучены труды советских ученых Н. Г. Вавина [1], А. В. Венедиктова [5], М. В. Зимелевой [12; 13], О. С. Иоффе [14], Я. А. Канторовича [16], А. С. Невзорова [30], И. Б. Новицкого [32], В. А. Тархова [50] и др., а также соответствующие нормы актов советского законодательства 1919–1991 гг. С учетом специфики правового регулирования в период с 7 ноября 1917 г. по 17 августа 1923 г. (дата принятия постановления Президиума ЦИК БССР «О силе для БССР декретов и постановлений правительства Союза СССР и о времени вступления их в силу» [39, 1923, № 12, с. 111]) настоящее исследование также основывается на нормативных правовых актах РСФСР указанного периода.

Законодательство первых лет советской власти в отношении рассматриваемого вопроса отличалось понятийной путаницей и беспорядочным употреблением правовой терминологии [11, с. 32]. Однако уже с 20-х гг. XX в. развитие советского законодательства и юридической мысли пошло по пути разграничения различных форм принудительного изъятия имущества частных лиц. В качестве примера приведем соответствующую классифика-

Автор:

Зеньков Алексей Васильевич — аспирант кафедры международного частного и европейского права факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Рецензенты:

Бабкина Елена Васильевна — кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой международного частного и европейского права факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Барбук Алексей Владимирович — кандидат юридических наук, советник главного договорно-правового управления Министерства иностранных дел Республики Беларусь

цию, предложенную А. С. Невзоровым. Считаю экспроприацию родовым понятием, употребляемым «для обозначения изъятия, лишения, отнятия имущества из (частного) обладания лица без определенного указания: почему, для чего и как обладатель лишается имущества» [30, с. 3], в своей монографии в качестве «законных» форм экспроприации он выделял:

— национализацию — огосударствление органом центральной высшей власти наиболее ценного для нужд государства имущества, в том числе земли, путей сообщения, крупных и важнейших предприятий, фабрик, заводов, обращение его в национальное достояние, результатом которого является поступление имущества в исключительное обладание и распоряжение государства и изъятие такого имущества из «частного оборота в том смысле, что оно не может быть предметом сделок между частными лицами и состоять постоянно в частном обладании, в частности и особенно на праве собственности»;

— социализацию — обобществление имущества, обращение его в общенародное достояние, в собственность всего общества, члены которого могут пользоваться этим имуществом временно с соблюдением установленного порядка (в отличие от национализации, при которой собственником национализированного имущества является государство, а само имущество используется для удовлетворения нужд государства, а не отдельных его граждан);

— муниципализацию — обращение частного либо государственного имущества в городское (общинное), с переходом в собственность «отдельной составной части государства», при этом осуществляемое «не по усмотрению или произволу заинтересованной общинной единицы (города), а по распоряжению соответствующей высшей власти»;

— конфискацию — безвозмездное принудительное отчуждение государством имущества, применяемое как наказание и обусловленное соблюдением формальных требований (только в определенных случаях и только на основании решений определенных судебных и административных инстанций), имеющее строго личный (персональный) характер;

— реквизицию — в отличие от других форм, возмездное изъятие имущества в силу государственной необходимости, кроме того, допускающее временный характер отчуждения [30, с. 4–17].

«Экспроприация — законом допускаемое отобрание имущества у частного обладателя, как родовое понятие, специфически определенного содержания не имеет и для практической жизни непригодно. Для последней важны виды экспроприации. Для всех видов законной экспроприации обще одно свойство: экспроприация допускается только по специ-

альному распоряжению высшей центральной власти или в указанных законом случаях и при соблюдении требований закона», — утверждал А. С. Невзоров [30, с. 28].

Не соглашаясь с выводами автора, рассматривавшего экспроприацию как исключительно теоретическую обобщающую конструкцию, не имеющую собственного практического значения, отметим, что им совершенно справедливо сформулирована *основополагающая характеристика экспроприации как меры, осуществляемой на основании и в соответствии с законом*.

Отнесение А. С. Невзоровым конфискации и реквизиции к экспроприации также представляется оправданным исключительно в разрезе склонности автора к максимально широкому использованию термина «экспроприация». На наш взгляд, экспроприация и реквизиция являются самостоятельными, хотя и смежными правовыми институтами (обоснование разграничения экспроприации и смежных понятий выходит за рамки настоящего исследования и не будет рассматриваться в статье). Конфискация и вовсе имеет отличную от экспроприации правовую природу — сам А. С. Невзоров подчеркивал, что «конфискация применяется только как мера наказания, являясь следствием проявления преступной и опасной для государства воли гражданина» [30, с. 28], — что диктует необходимость строгого разграничения данных понятий.

Кроме того, по нашему мнению, понятия «национализация» и «социализация» в процессе революционной трансформации отношений собственности выступали как составляющие единого процесса экспроприации. В первую очередь, это касается социализации земли, которая фактически явилась результатом ее национализации с последующим частичным распределением между землепользователями, т. е., как справедливо отмечал В. Мещеряков, «национализацией по форме собственности и социализацией по способу землепользования» [26, с. 58]. В советской гражданско-правовой литературе преимущественно использовался термин «национализация земли» [32, с. 14; 41, с. 270; 44, с. 98; 45, с. 283; 46, с. 249; 47, с. 287].

Различие между национализацией и муниципализацией также не носит, по нашему мнению, существенного характера в контексте отнесения данных мер к экспроприации. Согласимся с Н. Г. Вавиным и другими исследователями, отмечавшими тождественность юридической природы двух понятий с тем лишь различием, что при муниципализации национализированное имущество передается в распоряжение местных органов власти [1, с. 6–7; 5, с. 219; 34, с. 56; 45, с. 283; 48, с. 78].

Необходимо отметить, что не все из форм принудительного изъятия государством имущества у частных собственников, выделенных

А. С. Невзоровым, получили свое закрепление в нормах законодательства. Например, *легальных определений национализации или муниципализации в советском гражданском законодательстве не существовало*.

Вместе с тем, в советской правовой науке предпринимались попытки дать соответствующие дефиниции. Так, например, Н. Г. Вавин определял национализацию как «принудительное безвозмездное отчуждение государственную властью, по преимуществу в законодательном порядке, в собственность государства того или иного рода либо вида имущества, принадлежащего на праве собственности частным лицам (физическим или юридическим), общественным организациям, а равно иным не государственным установлениям» [1, с. 4].

В целом в советской правовой литературе акцент при определении национализации делался на такие характеристики национализации, как принудительность (насилованный характер) и безвозмездность [31, с. 13; 32, с. 46; 45, с. 282; 46, с. 249; 48, с. 78]. При этом в качестве квалифицирующих признаков национализации отмечались ее революционная природа [14, с. 284; 41, с. 268; 43, с. 237; 45, с. 282; 47, с. 286], нормативный [14, с. 284; 43, с. 289] и в некоторых случаях экстерриториальный характер [25, с. 103; 31, с. 13; 32, с. 53; 47, с. 288].

Национализация как мера общего характера по осуществлению государством социально-экономических преобразований [25, с. 103] также противопоставлялась другим первоначальным способам приобретения государственной и прекращения частной собственности: *реквизиции как чрезвычайной мере*, проводимой на возмездной основе в частных, отдельных случаях при наличии особых обстоятельств [12, с. 63; 14, с. 286; 45, с. 282–283, 287], и *конфискации как конкретно-карательному акту*, имеющему природу санкции за правонарушение [1, с. 6; 14, с. 285; 32, с. 49; 45, с. 287]. В отличие от национализации, решение о которой принималось центральными органами государственной власти в форме законодательного акта [24, с. 5; 42, с. 113; 44, с. 97], реквизиция, как правило, представляла собой административный акт [45, с. 287], а конфискация носила характер дополнительной меры наказания в рамках применения судами и административными органами уголовного, административного, а в отдельных случаях и гражданского законодательства [9, с. 192; 25, с. 106; 42, с. 114].

В целом в советской правовой науке *национализация рассматривалась как исторически первоначальное основание возникновения государственной собственности* [1, с. 6; 9, с. 146; 32, с. 46; 42, с. 113; 48, с. 77], воплотившее в себе «экспроприацию экспроприаторов, насильственное революционное отнятие» частной собственности [39, с. 217]. При этом, как правило, в данном контексте происходило

отождествление понятий «национализация» как формы и «экспроприация» как содержания [см., напр.: 1, с. 219; 13, с. 108; 16, с. 30; 32, с. 46; 41, с. 235; 43, с. 289; 45, с. 283; 48, с. 78; 50, с. 129]. Здесь мы усматриваем *принципиальное отличие понимания природы экспроприации в сравнении с дореволюционным периодом*, когда на первый план выдвигался именно элемент прекращения права собственности частного лица. Как правило, в советской правовой литературе национализация как явление описывалась в прошедшем времени, т. е. скорее как некий минувший факт, историческая данность, нежели как правовая реальность, активно задействованная в регулировании общественных отношений [см., напр.: 32, с. 46–49; 41, с. 270; 43, с. 237; 50, с. 130].

Теснейшую взаимосвязь института национализации, а также муниципализации как его частного проявления с процессами государственного строительства и социально-экономических преобразований в Советской России и затем в СССР и БССР отражает тот факт, что статьей 52 Гражданского кодекса РСФСР 1922 г. (введен в действие на территории БССР с 1 марта 1923 г. [39, 1923, № 3, ст. 29], изменения и дополнения в Кодекс в дальнейшем вносились органами власти БССР; далее — ГК БССР 1923 г.) государственная собственность определялась как «национализированная и муниципализированная» [7, с. 11; 50], т. е. национализация выступала в качестве первичного основания возникновения государственной собственности.

В целом анализ советского законодательства 1920-х гг. показывает, что основной задачей регулирования на этом этапе являлось *закрепление итогов революционной трансформации имущественных отношений и установление «границ» государственной и частной собственности*. Как отмечал Н. Г. Вавин, в тот период происходило «юридическое оформление тем изъятиям имущества, которые ранее были совершены в порядке революционного факта, с аннулированием тех из них, которые под действие этого революционного факта не подходят» [1, с. 3].

Декретом ВЦИК от 22 мая 1922 г. «Об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР» (действие данного документа было распространено на территорию ССРБ с 1 августа 1922 г. [39, 1923, № 5, ст. 82]) гражданам предоставлялось право собственности на немунципализованные до этого момента местными Советами строения в городских и сельских местностях, с правом отчуждения таких строений [40, 1922, № 36, ст. 423].

В этой связи отметим, что нормами указанного Декрета, а также примечанием 1 к статье 59 ГК БССР 1923 г. устанавливалось, что только имущество, которое было «экспроприровано на основании революционного пра-

ва или вообще перешло во владение трудящихся до 22 мая 1922 г.» (для БССР в границах 1924 г. — до 1 августа 1922 г. [39, 1927, № 21, ст. 90]), не подлежало истребованию. На этом основании в литературе сделан вывод, что после 1922 г. национализация имущества как основание (способ) приобретения государством права собственности и, соответственно, как способ принудительного прекращения частной собственности гражданским законодательством не регулировалась [35, с. 239]. Согласимся с данным утверждением лишь отчасти. *Регулирование национализации, что подразумевало бы наличие конкретных норм, устанавливающих, как минимум, четкие основания и порядок ее проведения, в советском законодательстве не существовало ни до 1922 г., ни после этого.* Напротив, на первоначальном этапе имело место лишь формально-юридическое закрепление национализации как предстоящего или свершившегося события в рамках процессов трансформации отношений собственности [34, с. 55]. Соответствующие акты на более поздних этапах стали рассматриваться в качестве юридического основания права государственной собственности на национализированное имущество [14, с. 284].

Представляется, что практические мероприятия по национализации, в свою очередь, также являлись юридическим фактом, имевшим значение для последующего установления вещных прав в отношении конкретного имущества, что потребовало от советской власти принятия дополнительных законодательных актов. Постановлением Президиума ЦИК и СНК БССР от 25 июля 1924 г. «Об условиях национализации строений и о предельном сроке составления списков национализированных строений» предусматривался комплекс мер, направленных на юридическое закрепление результатов национализации строений путем составления списков [39, 1924, № 17, ст. 144]. В указанные списки вошли строения, «национализированные (муниципализированные) официальным актом подлежащего органа власти», а также строения, в отношении которых официального решения не принималось, но которые были фактически изъяты или заняты для государственных нужд не позднее 1 августа 1922 г. После утверждения списков национализированного имущества включение в них имущества допускалось только на основании закрытого перечня оснований, среди которых национализация (муниципализация) не значилась. Примечательно, что одним из таких оснований являлась реквизиция на основании статьи 69 ГК БССР 1923 г., осуществлявшаяся на возмездной основе (см. ниже).

Предусматривалась возможность обжалования решений о национализации строений в Главном управлении коммунального хозяйства НКВД БССР. Рассмотрение таких ходатайств

было прекращено с 1 апреля 1927 г. на основании постановления ЦИК и СНК БССР от 18 декабря 1926 г. «О прекращении рассмотрения ходатайств о денационализации (демуниципализации) строений» [39, 1927, № 1, ст. 4].

Постановлением Президиума ЦИК и СНК БССР от 25 августа 1924 г. «О порядке установления прав на промышленные предприятия» закреплялись итоги национализации промышленности [48, 1924, № 22-23, ст. 203]. Предприятия признавались собственностью государства, если в отношении них до 1 августа 1922 г. осуществлялись фактические действия по национализации, т. е. соблюдалось одно из условий: приемка по акту, организация управления, осуществление государственных расходов по поддержанию деятельности или осуществление государством прав иным способом (сдача в аренду и т. д.). Предприятия, в отношении которых такие меры не были осуществлены, признавались собственностью прежних владельцев. Одновременно устанавливалась обязанность последних осуществить государственную регистрацию принадлежащих им предприятий под угрозой уголовной ответственности. Кроме того, кустарные и мелкопромышленные предприятия, не подпадавшие под действие постановления ВСНХ от 29 ноября 1920 г., «но фактически отобранные у собственников местными органами власти», также могли быть возвращены собственникам на основании решений о денационализации. Устанавливался срок для подачи соответствующих ходатайств — 6 месяцев. В этой связи представляется спорным высказанное в литературе мнение о том, что право государственной собственности при национализации возникало на основании соответствующего акта о национализации и никаких других юридических фактов для этого не требовалось [46, с. 250].

Практические вопросы национализации (социализации) земли также получили дальнейшее нормативное закрепление в указанный период. Постановлением ЦИК и СНК БССР от 21 февраля 1925 г. «О выселении помещиков, живущих в хозяйствах, принадлежавших им до издания закона о земле 26 октября 1917 года» [39, 1925, № 9, ст. 78] и постановлением ЦИК и СНК СССР от 20 марта 1925 г. «О лишении бывших помещиков права на землепользование и проживание в принадлежавших им до Октябрьской революции хозяйствах» [37, 1925, № 21, ст. 136] предусматривалось выселение бывших собственников с занимаемых территорий с одновременным изъятием земельных участков и построек в срок не позднее 1 января 1926 г.

В этой связи можно сделать вывод о том, что *указанными нормами итоги революционной экспроприации были юридически закреплены и пересмотру не подлежали.* Следователь-

но, отпадала и необходимость правового регулирования вопросов национализации (социализации, муниципализации) как явления общегосударственного масштаба. Как справедливо отмечал И. Б. Новицкий, «в качестве источника возникновения новых государственных имуществ национализация в дальнейшем не могла иметь сколько-нибудь широкого применения, ибо национализация средств производства в главной части была уже произведена, а на предметы потребления национализацию распространять никогда не имелось в виду» [32, с. 62].

Примечательно, что в законодательстве периода НЭПа нашли отражение и обратные национализации процессы. В целях развития предпринимательской инициативы и кооперации закреплялись отдельные гарантии от принудительного изъятия собственности государством. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 7 июля 1921 г. «О кустарной и мелкой промышленности» предусматривал, что мелкопромышленные предприятия не подлежат ни национализации, ни муниципализации; допускалась лишь возможность реквизиции (изъятия с уплатой стоимости) или конфискации (безвозмездного изъятия) оборотных средств и оборудования таких предприятий [40, 1921, № 53, ст. 323]. Декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 16 августа 1921 г. «О сельскохозяйственной кооперации» устанавливалось, что хозяйственные предприятия и помещения, принадлежащие кооперативным сельскохозяйственным товариществам или артелям, не подлежали ни национализации, ни муниципализации [40, 1921, № 61, ст. 434].

В законодательстве этого периода отмечались также попытки правового закрепления гарантий, предоставляемых иностранным инвесторам. Декретом СНК РСФСР от 23 ноября 1920 г. «Общие экономические и юридические условия концессий» гарантировалось, что вложенное в предприятие имущество концессионеров, под которыми понимались «солидные, заслуживающие доверия, иностранные промышленные общества и организации», не будет подвергаться «ни национализации, ни конфискации, ни реквизиции» [40, 1920, № 91, ст. 481].

Закреплялись также меры по денационализации и демунципализации имущества, принадлежавшего отдельным категориям собственников. Декретом СНК РСФСР от 26 октября 1921 г. «О порядке привлечения потребительской кооперации органами государства к выполнению товарообменных и заготовительных операций» (п. 14) предусматривалась денационализация и демунципализация предприятий и промыслов потребительской кооперации [40, 1921, № 72, ст. 576]. Принятой ВСНХ в развитие данного положения Инструкцией о порядке возврата потребительской кооперации принадлежащих ей предпри-

ятий и промыслов устанавливалось, что «возврату потребительской кооперации подлежат все принадлежащие ей на праве собственности национализированные или муниципализированные или иным каким-либо способом обращенные в пользу государства как центральными, так и местными органами власти предприятия и промыслы со всем оборудованием, инвентарем и инструментами» [40, 1922, № 39, ст. 446]. Декретом СНК РСФСР от 17 ноября 1922 г. «О возврате потребительским кооперативным организациям национализированных и муниципализированных строений» предусматривался возврат кооперативам национализированных и муниципализированных строений и складских помещений, а также устанавливался запрет на национализацию или муниципализацию таких объектов в последующем [40, 1922, № 65, ст. 847]. Постановлением СНК СССР от 22 июля 1924 г. «О возврате имущества сельскохозяйственной, промышленной и кредитной кооперации» возвращались предприятия, строения, склады, промыслы и иное имущество, принудительно изъятые в порядке национализации, муниципализации и на основании решений местных властей в 1918—1921 гг. [37, 1924, № 3, ст. 36].

В постановлении ЦИК и СНК БССР от 25 августа 1924 г. «О порядке установления прав на промышленные предприятия» также содержалась отсылочная норма к приложению 3 к ГК БССР 1923 г., которым регулировался порядок возврата предприятий, национализированных у кооперативов всех видов [39, 1924, № 22-23, ст. 203]. Кроме того, устанавливалось, что ненационализированные предприятия, оказавшиеся в фактическом распоряжении кооперативных организаций, национализации не подлежат. В дальнейшем частные предприятия, прошедшие государственную регистрацию, могли быть изъятые у собственника только в порядке реквизиции и конфискации на основании норм Гражданского кодекса.

Часть национализированных предприятий, которые находились в пределах земель, предоставленных в пользование сельскохозяйственным коллективам, была передана колхозам в соответствии с постановлением СНК БССР от 29 декабря 1926 г. «О порядке передачи коллективным хозяйствам промышленных и подсобных предприятий» [39, 1927, № 3, ст. 14].

Помимо указанных мер по денационализации постановлением ЦИК и СНК БССР от 8 декабря 1927 г. «О передаче кооперативным организациям государственных промышленных предприятий, их инвентаря и оборудования» предусматривалась возможность продажи государственных фабрик, заводов и других промышленных предприятий, которые были пущены в ход на средства арендующих их кооперативных организаций, таким организа-

циям [39, 1927, № 47, ст. 255]. Бездействующие предприятия могли, согласно указанному постановлению, и вовсе передаваться кооперативам безвозмездно.

Таким образом, к концу 1927 г. в действовавшем на территории БССР законодательстве нормативное закрепление получили ограниченная денационализация (демуниципализация) и гарантии от национализации (муниципализации) имущества, предоставленные отдельным категориям собственников.

На последующих этапах в советском законодательстве вопросы национализации фиксировались лишь формально. Например, Положение о порядке учета и использования национализированного, конфискованного, выморочного и бесхозяйного имущества, утвержденное постановлением СНК СССР от 17 апреля 1943 г. № 404, распространяло свое действие на «имущество, ценности и денежные средства, национализируемые по распоряжению Правительства Союза ССР или правительств союзных республик» [38, 1943, № 6, ст. 981]. Однако нормативных правовых актов о национализации имущества на территории БССР с 1922 по 1939 г. и после 1940 г. не принималось.

Исключением, своего рода «рецидивом», в этом плане стала национализация промышленных предприятий и учреждений, которая осуществлялась на территории западных областей БССР после их присоединения в 1939 г. 28—30 октября 1939 г. в г. Белостоке было созвано Народное (Национальное) собрание Западной Беларуси. Помимо положений об установлении советской власти на территории Западной Беларуси и о вхождении ее в состав СССР и БССР были приняты решения о конфискации «без всякого выкупа, помещичьих земель, земель монастырей и земель крупных государственных чиновников со всем их живым и мертвым инвентарем и усадебными постройками» и национализации «банков и крупной промышленности на территории Западной Белоруссии». В соответствующих декларациях провозглашалось, что «вся земля Западной Белоруссии с ее недрами, а также лесами и реками», равно как и «банки с их ценностями, все крупные предприятия, рудники, железные дороги объявляются всенародным достоянием, то есть государственной собственностью» [27, с. 183—186].

Решения Народного (Национального) собрания были незамедлительно реализованы путем принятия соответствующих актов на высшем партийном уровне (например, постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 3 декабря 1939 г. «О национализации промышленных предприятий и учреждений на землях Западной Украины и Западной Белоруссии» [33, с. 1100]), а затем и постановлений СНК БССР (например, от 13 декабря 1939 г. № 834 «О национализации предприятий легкой про-

мышленности на территории Западных областей БССР» [39, 1939, № 56, ст. 187], от 5 января 1940 г. № 46 «О национализации ресторанов, столовых и торговых складов по городам западных областей БССР» [39, 1940, № 1, ст. 5] и № 49 «О национализации предприятий промышленности строительных материалов западных областей БССР» [39, 1940, № 1, ст. 6], от 21 января 1940 г. № 77 «О национализации нефтяных баз на территории западных областей БССР» [39, 1940, № 1, ст. 10], от 10 мая 1940 г. № 672 «О муниципализации и национализации строений на территории западных областей БССР» [39, 1940, № 20, ст. 95].

В отличие от национализации в советском законодательстве дальнейшее нормативное закрепление и развитие получила реквизиция. Необходимо отметить, что правовая основа для реализации института реквизиции была заложена с первых дней существования советской власти. Декретом ВЦИК от 14 декабря 1917 г. «О Высшем Совете Народного Хозяйства» ВСНХ было предоставлено право «конфискации, реквизиции, секвестра, принудительного синдицирования различных отраслей промышленности и торговли и прочих мероприятий в области производства, распределения и государственных финансов» [29, с. 499]. При этом, однако, в отличие от дореволюционного права советское законодательство и правоприменительная практика на первоначальном этапе не проводили разграничения между реквизицией как возмездным изъятием имущества в целях удовлетворения государственных и общественных нужд и конфискацией как безвозмездным изъятием имущества в собственность государства в виде наказания [5, с. 207], а процессы изъятия имущества в указанных формах носили стихийный характер [31, с. 15].

Относительно упорядоченный и возмездный характер реквизиция приобрела лишь с принятием Декрета СНК РСФСР от 16 апреля 1920 г. «О реквизициях и конфискациях», в соответствии с которым реквизицией считалось «принудительное отчуждение или временное изъятие государством имущества, находящегося в обладании частных лиц и обществ за плату, определяемую подлежащими органами власти» [40, 1920, № 29, ст. 143]. Этим же Декретом устанавливалось, что «конфискацией считается безвозмездное принудительное отчуждение государством имущества, находящегося в обладании частных лиц и обществ», право осуществления которого предоставлялось чрезвычайным и судебным органам, «применяющим эту меру, как наказание». Таким образом, на этом этапе реквизиция и конфискация имели существенное различие, как минимум, по признаку возмездности. Кроме того, в понятие реквизиции включалось и временное изъятие имущества, с чем, в частности, А. В. Ве-

недиктов был склонен связывать отсутствие в советском праве института секвестра как изъятия имущества в управление и пользование государства [5, с. 208, прим. 115].

Декретом СНК РСФСР от 17 октября 1921 г. «О порядке реквизиции и конфискации имущества частных лиц и обществ» соответствующие правовые дефиниции были дополнены рядом квалифицирующих признаков [40, 1921, № 70, ст. 564]. Устанавливалось, что «реквизицией считается применяемое в силу государственной необходимости принудительное возмездное отчуждение или временное изъятие государством имущества, находящегося в обладании частных лиц и обществ». Проводилось четкое разграничение между реквизицией, продиктованной государственной необходимостью, и конфискацией, под которой понималось «безвозмездное принудительное отчуждение государством имущества, применяемое как наказание по приговорам» судебных и (в исчерпывающем перечне случаев) административных инстанций.

Данный подход нашел свое отражение и в кодифицированных источниках гражданского законодательства той поры. Согласно статье 69 ГК БССР 1923 г., реквизиция допускалась «лишь в порядке, установленном декретом о реквизиции и конфискации имущества частных лиц и обществ, с вознаграждением собственника по средним рыночным ценам, существующим к моменту изъятия имущества» [49, 1923, № 71, ст. 904].

Статьей 69 ГК БССР 1923 г. с изменениями и дополнениями 1927 г. (далее — ГК БССР 1927 г.) устанавливалось, что «реквизиция (принудительное отчуждение или временное отобрание государством имущества от собственника за вознаграждение) может производиться в исключительных случаях только тогда, когда это вызывается необходимостью, и не иначе, как по постановлению Совета Народных Комиссаров БССР» [7, с. 13]. Размер вознаграждения собственника за реквизируемое имущество определялся по средним рыночным ценам в момент отобрания имущества. На практике, однако, вознаграждение собственника реквизируемого имущества по рыночным ценам, как правило, не применялось. Стоимость имущества определялась по утвержденным государственным ценам, а в отношении домов строений — по инвентаризационной или страховой оценке [14, с. 285; 41, с. 274].

Порядок осуществления реквизиции был детализирован в принятом в развитие данной статьи постановлении ЦИК и СНК БССР от 26 марта 1927 г. «О порядке реквизиции имущества частных лиц и обществ» [39, 1927, № 17, ст. 71]. В 1929 г. указанная статья была также дополнена положением, согласно которому при реквизиции строения собственнику «вместо платы деньгами может быть выдано другое строение соответствующей категории

и стоимости в том же поселении», что свидетельствует о достаточно широком понимании законодателем реквизиции [39, 1929, № 25, ст. 140]. Кроме того, согласно примечанию 1 к пункту 9 Сводного закона о реквизиции и конфискации имущества, утвержденного постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 28 марта 1927 г. (заменял все предшествовавшие акты о порядке реквизиции и конфискации, до настоящего времени действует на территории Российской Федерации в части, не противоречащей Конституции и другим законодательным актам), предметом реквизиции также могли являться строения и промышленные предприятия вместе с оборудованием [40, 1927, № 38, ст. 248].

В качестве особого случая, не подпадающего под действие правил о реквизиции, но имеющего большую социальную важность [8, с. 123], примечание к статье 69 ГК БССР 1927 г. содержало отсылку к статьям 97–107 Ветеринарного устава БССР [39, 1924, № 9, ст. 105], регулировавшего порядок вознаграждения собственников животных, убитых в целях прекращения заразных болезней и павших от прививок, а также за уничтоженные предметы и кормовые средства.

ГК БССР 1927 г. также четко разделял понятия «реквизиция» как возмездное изъятие и «конфискация» как безвозмездная карательная мера. Статьей 70 устанавливалось, что «конфискация (бесплатное принудительное отчуждение имущества от собственника в пользу государства) может производиться только как мера социальной защиты в случаях, особо указанных в законе» [7, с. 14]. Содержание части второй указанной статьи свидетельствует, что конфискация в контексте ГК БССР 1927 г. носила уже характер исключительно санкции: «конфискации не подлежат необходимые для лица, у которого производится конфискация, и его семьи предметы домашнего обихода и служащие средством к существованию орудия мелкого сельскохозяйственного, кустарного и ремесленного производства или инвентарь, необходимый для профессиональной работы осужденного, а также предметы питания и денежные суммы, необходимые ему самому и его семье для личного потребления на срок не менее шести месяцев».

Необходимо, однако, отметить, что на практике термин «мера социальной защиты» в отношении конфискации понимался в контексте эпохи. Так, конфискация активно использовалась в качестве репрессивной меры в ходе коллективизации 1930-х гг. В качестве примера приведем норму пункта 2 постановления ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 г. «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством», которой местным органам исполнительной власти предоставлялось право при-

менять «в этих районах все необходимые меры борьбы с кулачеством вплоть до полной конфискации имущества кулаков и выселения их из пределов отдельных районов и краев (областей)» [15, с. 431]. Конфискованное имущество, за вычетом выплат по обязательствам, должно было «передаваться в неделимые фонды колхозов в качестве взноса бедняков и батраков, вступающих в колхоз». Отметим, что в данном контексте конфискация рассматривалась советскими юристами как мера революционной экспроприации [50, с. 129].

Четкое различие между реквизицией и конфискацией проводилось и в советской правовой науке. Подчеркивалось, что реквизиция отличается от конфискации возмездным характером и тем, что изъятие производится в силу государственной необходимости, а не в качестве меры наказания [34, с. 69; 41, с. 274; 48, с. 79]. При этом при сущностной характеристике указанных видов принудительного изъятия часть авторов на первый план выдвигали приобретение права собственности государством [14, с. 285–286; 41, с. 273–274; 45, с. 287; 48, с. 78–79], а другие — прекращение (утрату) права собственности частным лицом [12, с. 63; 34, с. 57].

Итоги революционной экспроприации получили правовое закрепление и на уровне Основного Закона. Так, в статье 2 Конституции ССРБ 1919 г. Первый съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Белоруссии постановил, что «частная собственность на землю отменяется и весь земельный фонд объявляется общегосударственным достоянием; все леса, недра и воды, а равно весь живой и мертвый инвентарь, образцовые поместья и сельскохозяйственные предприятия объявляются национальным достоянием» [22].

Конституцией БССР 1927 г. (ст. 6) провозглашалось, что «вся земля, леса, недра, воды, а равно фабрики и заводы, железнодорожный, водный и воздушный транспорт и средства связи составляют собственность социалистического государства» [19].

Конституции СССР 1936 г. [20] и БССР 1937 г. [17] содержали еще более подробную норму: «Земля, ее недра, воды, леса, заводы, фабрики, шахты, рудники, железнодорожный, водный и воздушный транспорт, банки, средства связи, организованные государством крупные сельскохозяйственные предприятия (совхозы, машинно-тракторные станции и т.п.), а также коммунальные предприятия и основной жилищный фонд в городах и промышленных пунктах являются государственной собственностью, то есть всенародным достоянием».

Конституциями СССР 1977 г. [21] и БССР 1978 г. [18] устанавливалось, что «государственная собственность — общее достояние всего советского народа, основная форма социалистической собственности. В исключитель-

ной собственности государства находятся: земля, ее недра, воды, леса. Государству принадлежат основные средства производства в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве, средства транспорта и связи, банки, имущество организованных государством торговых, коммунальных и иных предприятий, основной городской жилищный фонд, а также другое имущество, необходимое для осуществления задач государства».

По этой причине, а также ввиду отсутствия необходимости масштабного перераспределения имущественных благ общесоюзные Основы гражданского законодательства 1961 г. (далее — Основы 1961 г.) [см.: 1] и гражданские кодексы 15 союзных республик, в том числе Гражданский кодекс БССР 1964 г. (далее — ГК БССР 1964 г.) [36, 1964, № 17, ст. 183] не содержали даже косвенного упоминания о национализации.

Вместе с тем, институт реквизиции сохранился. Дублируя нормы статьи 31 Основ 1961 г., ГК БССР 1964 г. (ст. 154) под реквизицией понимал «изъятие государством имущества у собственника в государственных или общественных интересах с выплатой ему стоимости имущества... в случаях и в порядке, установленных законодательством Союза ССР и БССР». Точного перечня случаев, когда допускалась реквизиция, в советском законодательстве не имелось [9, с. 191]. При этом в литературе отмечалось, что реквизиция осуществляется в отношении такого имущества граждан и негосударственных юридических лиц, в котором в силу каких-либо чрезвычайных обстоятельств [9, с. 191] либо крайней необходимости [25, с. 106] нуждается государство. В качестве частного случая реквизиции советскими правоведом рассматривалось изъятие драгоценных металлов и алмазов на основании постановлений органов дознания, следствия, прокуратуры или суда в порядке, предусмотренном статьей 150 ГК БССР 1964 г. [см., напр.: 28, с. 168; 46, с. 251; 46, с. 293]. Такое утверждение, однако, представляется крайне противоречивым, поскольку, по нашему мнению, возмещение стоимости изъятых ценностей в данном случае носит характер восстановления нарушенного права (по аналогии со ст. 444 ГК БССР 1964 г. о возмещении ущерба, причиненного незаконной конфискацией), а не компенсации за принудительно изымаемое имущество. К тому же, само изъятие носит характер обеспечительной меры в отношении возможной конфискации (в случае вынесения соответствующего приговора), т. е. не соответствует упомянутым целям реквизиции.

Кроме того, высказывалось мнение, что реквизиция применяется при сносе строений в связи с отводом земельных участков для государственных или общественных надобностей [42, с. 115; 47, с. 292]. Такое мнение также представляется весьма спорным, поскольку в дан-

ном случае действия властей имеют цель, отличную от целей реквизиции, обусловленной чрезвычайными обстоятельствами и крайней необходимостью [25, с. 106; 46, с. 251].

Под конфискацией в той же статье 154 ГК БССР 1964 г. понималось «безвозмездное изъятие государством имущества в качестве санкции за правонарушение», что окончательно закрепило понимание о ее характере карательной меры, вытекающей из противоправного поведения конкретного лица [см., напр.: 47, с. 291].

Дополнительным основанием для понимания указанных понятий с точки зрения законодателя советской эпохи служат нормы статьи 33 Закона СССР от 6 марта 1990 г. «О собственности в СССР» (далее — Закон СССР) [3, 1990, № 11, ст. 164]. В данном нормативном акте под реквизицией понималось изъятие имущества у собственника «в случаях стихийных бедствий, аварий, эпидемий, эпизоотий и при иных обстоятельствах, носящих чрезвычайный характер» по решению органов государственной власти в порядке и на условиях, установленных законодательными актами, с выплатой стоимости имущества; под конфискацией — безвозмездное изъятие «по решению суда, государственного арбитража или другого компетентного государственного органа (должностного лица) в виде санкции за совершение преступления или иного правонарушения». Соответствующие нормы закреплялись и в статьях 77, 78 Закона БССР от 11 декабря 1990 г. «О собственности в БССР» (далее — Закон БССР) [2, 1990, № 2, ст. 13].

Кроме того, как Законом СССР (ст. 33), так и законом БССР (ст. 76) целенаправленное изъятие государством имущества у законного собственника допускалось исключительно в форме реквизиции и конфискации, а также при обращении взыскания на это имущество по обязательствам собственника. Аналогичная норма содержалась и в статье 55 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г. (далее — Основы 1991 г.) [4, 1991, № 26, ст. 733].

Законодатель, однако, выделял как отдельную категорию обстоятельства, при которых принудительное вмешательство государства в отношения собственности, хотя и не имело своей непосредственной целью изъятие имущества, тем не менее, приводило к сходному результату. Статьей 33 Закона СССР и статьями 74, 75 Закона БССР предусматривалось прекращение права собственности в связи с *решением об изъятии земельного участка*, на котором находятся принадлежащие собственнику дом, иные строения, сооружения или насаждения, или *иным решением государственного органа, не направленным непосредственно на изъятие имущества у собственника*. Принятие указанных решений допускалось исключительно в случаях и порядке, уста-

новленных законодательными актами Союза ССР и БССР, с возмещением собственнику в полном объеме убытков, причиненных прекращением права собственности.

При несогласии собственника на реализацию решения, влекущего прекращение права собственности, накладывался мораторий вплоть до разрешения «судом, государственным арбитражем или третейским судом» возникшего спора, а также вопроса о возмещении собственнику убытков. Статья 55 Основ 1991 г. в качестве альтернативного порядка компенсации предусматривала также предоставление собственнику «равноценного имущества и возмещение иных понесенных убытков».

В указанных положениях, допускающих случаи, когда изъятие имущества, принадлежащего частным лицам на праве собственности, является вторичным по отношению к основной цели, которую преследует мера государственного регулирования, по нашему мнению, усматриваются элементы регулирования экспроприации, которая, однако, в данном случае носит опосредованный характер. Это объясняется отсутствием прямой причинно-следственной связи между изъятием конкретного имущества и государственной или общественной необходимостью, которой продиктовано принятие соответствующей меры государственного регулирования.

Гарантии защиты личной собственности граждан и их объединений при изъятии земельных участков для государственных нужд получили закрепление и в жилищном законодательстве СССР и БССР. Так, статьей 44 Основ жилищного законодательства Союза ССР и союзных республик 1981 г. (далее — Основы 1981 г.) [3, 1981, № 26, ст. 834], а также статьей 148 Жилищного кодекса БССР 1983 г. (далее — ЖК БССР) [36, 1983, № 36, ст. 586] предусматривалась возможность принудительного отчуждения жилых домов, находящихся в личной собственности граждан или принадлежащих строительному кооперативу, но как исключение из общего правила, только в случаях, установленных законодательством. В самих Основах фиксировалось лишь одно из подобных оснований — снос жилого дома в связи с изъятием земельного участка для государственных или общественных нужд (ст.ст. 42, 45 Основ 1981 г., ст.ст. 134, 163 ЖК БССР).

Условием изъятия выступала также возмездность в виде обязательного предоставления равноценного жилого дома (для ЖК) или квартиры в домах государственного или общественного жилищного фонда (для граждан). Кроме того, гражданам — собственникам жилых домов по их выбору либо выплачивалась «стоимость сносимых домов, строений и устройств», либо предоставлялось «право использовать материалы от разборки этих домов, строений и устройств по своему усмотрению». В качестве альтернативы предостав-

лению квартиры обеспечивалась возможность внеочередного вступления в члены жилищно-строительных кооперативов и получения в них квартир.

По желанию граждан принадлежащие им жилые дома и строения, подлежащие сносу, могли быть перенесены и восстановлены на новом месте (ст. 164 ЖК БССР), а в отдельных случаях — сооружены на новом месте жилые дома, строения и устройства с последующей передачей их гражданам в личную собственность (ст. 65 ЖК БССР).

Таким образом, *правовые механизмы защиты прав собственника в отношении жилых домов и строений* в случае их принудительного сноса в государственных или общественных интересах (опосредованно) в советский период содержали в себе и *такие элементы экспроприации, как возмездность и законность*.

Можно констатировать, что к моменту распада Советского Союза в праве БССР из возможных правовых форм возмездного принудительного изъятия государством имущества частных лиц законодательное регулирование получили:

1) реквизиция, при которой имущество, принадлежащее частным лицам на праве собственности, изымается для *непосредственного* удовлетворения определенных государственных или общественных нужд путем использования такого имущества в *обстоятельствах, носящих чрезвычайный характер*;

2) *прекращение права собственности в связи с решением государственного органа, не направленным непосредственно на изъятие имущества у собственника*, в частности снос жилых домов и строений в связи с изъятием земельного участка для государственных или общественных нужд. В данном случае прекращение права частной собственности на имущество имеет признаки «*опосредованной экспроприации*», поскольку не является само по себе средством государственного регулирования социально-экономических процессов и по отношению к основной мере, например изъятию участка, носит производный, «побочный» характер.

Экспроприация в прямой ее форме законодательного регулирования в советский период не получила. На наш взгляд, это явилось закономерным итогом развития представлений о собственности в советском праве и их последовательного правового закрепления в нормах гражданского законодательства. Тотальное доминирование в экономических отношениях государства как собственника основных средств производства лишало практической ценности саму идею защиты интересов частного собственника в контексте экспроприации.

Отметим, что само понятие «частная собственность», предметом которой в соответствии со статьей 54 ГК БССР 1923 г. могли быть «*немуниципализированные строения, предприятия торговые, предприятия промышленные, имеющие наемных рабочих в количестве, не превышающем предусмотренного особыми законами; орудия и средства производства, деньги, ценные бумаги и прочие ценности, в том числе золотая и серебряная монета и иностранная валюта, предметы домашнего обихода хозяйства и личного потребления, товары, продажа коих не воспрещается законом, и всякое имущество, не изъятое из частного оборота*», с течением времени было упразднено. На смену ему пришло понятие «личная собственность», которая рассматривалась в качестве производной от социалистической собственности [33, с. 65; 41, с. 236; 46, с. 295]. Согласно ГК БССР 1964 г. в личной собственности граждан могли находиться лишь «предметы обихода, личного потребления, удобства и подсобного домашнего хозяйства, жилой дом и трудовые сбережения» (ст. 99).

Соответственно, предметом возмездного принудительного изъятия мог стать весьма ограниченный перечень видов имущества частных лиц, что очевидным образом ограничивало масштабы применения соответствующих мер государственного регулирования и их влияние на социально-экономическое развитие.

Учитывая изложенное, можно сделать следующие выводы.

В советской правовой науке термин «экспроприация» имел весьма ограниченное изучение. *Экспроприация рассматривалась как содержание, идейная составляющая принудительных безвозмездных изъятий государством имущества частных лиц, осуществленных в контексте революционных преобразований*, независимо от конкретных условий, при которых происходило такое изъятие, и его правового основания.

В законодательстве советского периода термин «экспроприация» не употреблялся. Правовое регулирование вопросов принудительного изъятия государством частной собственности с 1917 по 1991 г. прошло путь *от формализации процессов коренной трансформации отношений собственности*, заключавшейся в масштабных безвозмездных изъятиях имущества частных лиц и *установлении государственной собственности* на основные средства производства, до законодательного закрепления *отдельных форм возмездного принудительного изъятия*, в том числе имеющих признаки экспроприации.

Литература

1. Вавин, Н. Г. Национализация и муниципализация имущества: сводка декретов, постановлений, инструкций, циркуляров, разъяснений Пленума Верховного суда, определений Кассационной коллегии Верховного суда и разъяснений III отд. НКЮ / Н. Г. Вавин. — Изд. 2-е, перер. и доп. — М.: Юрид. изд-во Наркомюста РСФСР., гостип. им. Смирнова в Смоленске, 1925. — 120, VIII стр.
2. Ведомости Верховного Совета БССР.
3. Ведомости Верховного Совета СССР.
4. Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР.
5. Венедиктов, А. В. Организация государственной промышленности в СССР. 1917—1920 / Ленингр. ордена Ленина гос. ун-т им. А. А. Жданова. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1957. — 764 с.
6. Вильнянский, С. И. Лекции по советскому гражданскому праву. Ч. 1. — Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1958. — 339 с.
7. Гражданский кодекс Белорусской Социалистической Советской Республики: с изм. и доп. по 10 июня 1927 г. — Минск: Изд. п/отд. законодат. предложений НКЮ БССР, 1927. — 115 с.
8. Гражданский кодекс советских республик: текст и практический комментарий / под ред. Ал. Малицкого. — Изд. 3-е, испр. и доп. — [Киев?]: Юрид. изд-во НКЮ УССР, 1927. — 774 с.
9. Гражданское право БССР: учеб. пособие для студентов юрид. фак. и вузов. Т. 1 / К. А. Борзова [и др.]. — Минск: Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1975. — 384 с.
10. Зеньков, А. В. О некоторых различиях в правовом регулировании экспроприации в законодательствах Республики Беларусь и Российской Федерации / А. В. Зеньков // Беларусь в современном мире: материалы XI Междунар. конф., посвященной 91-летию образования Белорус. гос. ун-та, 30 окт. 2012 г. / редкол.: В. Г. Шадурский [и др.]. — Минск: Изд. центр БГУ, 2012. — С. 117—119.
11. Зеньков, А. В. Экспроприация: генезис понятия в дореволюционном и советском гражданском праве / А. В. Зеньков // Журн. междунар. права и междунар. отношений. — 2013. — № 2. — С. 26—34.
12. Зимелева, М. В. Гражданское право: учеб. для юрид. шк. / М. В. Зимелева; Всесоюз. ин-т юрид. наук. — М.: Юрид. изд-во, тип. «Красный пролетарий», 1944. — 343 с.
13. Зимелева, М. В. Гражданское право: учеб. для юрид. шк. / М. В. Зимелева; Всесоюз. ин-т юрид. наук М-ва юстиции СССР. — Изд. 3-е, испр. и доп. — М.: Юрид. изд., тип. «Красный пролетарий», 1947. — 488 с.
14. Иоффе, О. С. Советское гражданское право: курс лекций. Общая часть. Право собственности. Общее учение об обязательствах [для юрид. вузов] / О. С. Иоффе; Ленингр. ордена Ленина гос. ун-т им. А. А. Жданова. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1958. — 511 с.
15. История Беларуси в документах и материалах / авт.-сост. И. Н. Кузнецов, В. Г. Мазец. — Минск: Амалфея, 2000. — 672 с.
16. Канторович, Я. А. Основные идеи гражданского права / Я. А. Канторович. — Харьков: Юрид. изд-во, 1928. — 309, [2] с.
17. Конституция (Основной Закон) Белорусской Советской Социалистической Республики, 19 февр. 1937 г. / [Электронный ресурс] // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: <<http://www.pravo.by/main.aspx?guid=2061>>. — Дата доступа: 15.03.2013.
18. Конституция (Основной Закон) Белорусской Советской Социалистической Республики, 14 апр. 1978 г. / [Электронный ресурс] // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: <<http://www.pravo.by/main.aspx?guid=2081>>. — Дата доступа: 15.03.2013.
19. Конституция (Основной Закон) Белорусской Социалистической Советской Республики, 11 апр. 1927 г. [Электронный ресурс] // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: <<http://www.pravo.by/main.aspx?guid=2051>>. — Дата доступа: 15.03.2013.
20. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик, 5 дек. 1936 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2013.
21. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик, 7 окт. 1977 г. [Электронный ресурс] // Там же.
22. Конституция Социалистической Советской Республики Белоруссии (принята I съездом Советов БССР), 3 февр. 1919 г. [Электронный ресурс] // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: <<http://www.pravo.by/main.aspx?guid=1951>>. — Дата доступа: 15.03.2013.
23. КП(б)Б у рэзалюцыях / Ін-т гісторыі партыі пры ЦК КП(б)Б. — Мінск: Парт. выд-ва, 1934. Ч. 1: 1903—1921 гг. — 266, [6] с.
24. Ли, В. И. Вопросы советского права в свете новой Конституции СССР. Вып. 4: Гражданское право / В. И. Ли. — М.: МИИТ, 1981. — 47 с.
25. Матвеев, Ю. Г. Гражданское право в вопросах и ответах: справочник / Ю. Г. Матвеев, А. С. Довгерт, В. И. Кисиль. — Киев: Политиздат Украины, 1987. — 270, [2] с.
26. Мещеряков, В. Национализация и социализация земли / В. Мещеряков. — М.: Жизнь и знание, 1918. — 64 с. — (Б-ка обществоведения; Кн. 53-я)
27. Народное (Национальное) Собрание Западной Белоруссии, 28—30 окт. 1939 г.: стеногр. отчет / под ред. В. Н. Малина. — Минск: Гос. изд-во БССР, 1946. — 193, [1] с.
28. Научно-практический комментарий к Гражданскому кодексу Белорусской ССР / К. А. Борзова [и др.]. — Минск: Беларусь, 1991. — 527, [1] с.
29. Национализация промышленности в СССР: сб. док. и материалов 1917—1920 гг. / Гл. архив. упр. Центр. гос. архив Октябрьской революции и соц. строительства СССР; Ин-т экономики Акад. наук СССР. — М.: Госполитиздат, 1954. — 824 с.
30. Невзоров, А. С. Экспроприация. Конфискация. Реквизиция. Социализация. Национализация. Муниципализация: систематизированное изложение декретов, постановлений, инструкций, циркуляров ВЦИК, СНК, НКВД, ГУКХ, ВСНХ / А. С. Невзоров; сост. по поручению Воронеж. губкоммунотд., консультант отд. проф. А. С. Невзоров. — Воронеж: Воронеж. губ. отд. коммун. хоз-ва, 1923. — 29, [2] с.
31. Новицкая, Т. Е. Кодификация гражданского права в Советской России, 1920—1922 гг.: учеб. пособие / Т. Е. Новицкая. — М.: Изд-во МГУ, 1989. — 120 с.
32. Новицкий, И. Б. История советского гражданского права / И. Б. Новицкий. — М.: Госюриздат, 1957. — 327 с.
33. Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Повестки дня заседаний, 1919—1952: каталог. В 3 т. Т. 2: 1930—1939 / подг.: Л. А. Роговая [и др.]. / Федер. арх. служба России, Рос. гос. арх. соц.-полит. истории. — М.: Росспэн, 2000. — 1197, [2] с.

34. Рубинштейн, Б. М. Советское хозяйственное и гражданское право: учеб. для юрид. шк. и пособие для вузов. — Изд. 2-е, перер. и доп. / Б. М. Рубинштейн. — М.: Советское законодательство, 1936. — 301 с.
35. Скловский, К. И. Собственность в гражданском праве. — 6-е изд., перер. / К. И. Скловский. — М.: Статут, 2010. — 893 с.
36. Собрание законов БССР.
37. Собрание законов СССР.
38. Собрание постановлений правительства СССР.
39. Собрание узаконений БССР.
40. Собрание узаконений РСФСР.
41. Советское гражданское право. В 2 ч. Ч. 1. 2-е расшир. и доп. изд. / В. Г. Вердников [и др.]. — М., 1960. — 525 с.
42. Советское гражданское право: конспект лекций: учеб. пособие для студентов фак. советского строительства. — М., 1973. — 404 с.
43. Советское гражданское право: учеб. для вузов по спец. «Правоведение». Т. 1 / В. А. Тархов [и др.]. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1991. — 452, [1] с.
44. Советское гражданское право: учеб. для торг.-экон. вузов / под ред. проф. Д. М. Генкина. — М.: Госюриздат, 1961. — 351 с.
45. Советское гражданское право: учеб. для юрид. высш. учеб. заведений. Т. 1. — М.: Гос. изд. юрид. лит., тип. «Красный пролетарий», 1950. — 496 с.
46. Советское гражданское право: учеб. для юрид. ин-тов и фак. — Изд. 2-е. В 2 т. Т. 1 / О. А. Красавчиков [и др.]; под ред. проф. О. А. Красавчикова. — М.: Высш. шк., 1972. — 447 с.
47. Советское гражданское право: учеб. для юрид. ин-тов и фак. Т. 1 / отв. ред. проф., д-р юрид. наук В. А. Рясенцев. — М.: Юрид. лит., 1965. — 560 с.
48. Советское гражданское право: учеб. для юрид. шк. — М.: Юриздат, 1940. — 264 с.
49. Советское гражданское право: учеб. пособие для студентов ВЮЗИ. В 2 т. Т. 1 / В. Г. Вердников [и др.]. — М., 1955. — 220 с.
50. Тархов, В. А. Советское гражданское право / В. А. Тархов. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1978. Ч. 1. — 1978. — 230 с.

«Понятие экспроприации в законодательстве и доктрине советского периода» (Алексей Зеньков)

В статье рассматривается проблематика правового регулирования вопросов экспроприации в советском гражданском праве на основе нормативных и доктринальных источников. Статья ориентирована на выявление основных подходов к определению и регулированию экспроприации и, как результат, выделение основных элементов понятия «экспроприация», существовавших в праве Беларуси в рассматриваемый период.

Необходимость изучения данного вопроса диктуется существующей потребностью формулирования понятия экспроприации, которое могло бы рассматриваться в качестве основы для закрепления соответствующей нормы в гражданском законодательстве Республики Беларусь в целях совершенствования правового регулирования отношений собственности, в том числе с участием иностранного элемента.

На основе анализа законодательства исследуемого периода, трудов советских ученых автором выделен ряд закономерностей формирования правовых форм принудительного изъятия собственности, их трансформации в контексте развития отечественной правовой системы с 20-х гг. XX в. до 1991 г.

«The Concept of Expropriation in the Legislation and Doctrine of the Soviet Era» (Aleksei Zenkov)

The article focuses on the legal issues of expropriation in the Soviet civil law. The research is based on legal and doctrinal sources dating back to the epoch. This article aims to identify the main approaches to the definition and regulation of expropriation and, as a result, to determine the main elements of the concept of «expropriation» that existed under Belarusian law within the period concerned.

The issue needs to be studied because the formulation of the expropriation as a concept is required, which could be considered as the basis for fixing the relevant provision in the civil legislation of the Republic of Belarus so that the property law, including the regulations that involve a foreign element, could be improved.

Taking as the basis the analysis of the legislation within the period concerned, the works of Soviet lawyers, the author identifies a number of regularities in respect to how the legal forms of seizure of property developed and what transformation they went through in the context of the development of the domestic legal system from 1920s to 1991.

Статья поступила в редакцию в сентябре 2013 г.

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ПРОЦЕССА ИММИГРАЦИИ ВО ФРАНЦИЮ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX — НАЧАЛЕ XXI в.

Константин Снисаренко

На президентских выборах во Франции в 2002 г. во второй тур наравне с действующим президентом страны Ж. Шираком прошел кандидат от ультраправого движения «Национальный фронт» Ж.-М. Ле Пен, выступавший с антииммигрантскими лозунгами. Этот факт свидетельствовал о том, что в стране, которая в течение нескольких веков активно привлекала международных мигрантов, существуют проблемы во взаимоотношениях между иммигрантами и принимающим обществом.

Актуальность данной темы подтверждается тем, что проблемы, с которыми столкнулась Франция, свойственны многим европейским государствам, так как большинство из них относится к странам иммиграции. Цель данной статьи — охарактеризовать положение иммигрантов во французском обществе во второй половине XX — начале XXI в. Для этого необходимо выявить характерные черты процесса иммиграции во Францию и определить результаты иммиграционной политики французских правительств.

Положение иммигрантов во Франции стало предметом исследований специалистов самых разных областей научных знаний: демографов, культурологов, политологов, правоведов, экономистов. Особо следует отметить вклад в изучение этого вопроса русскоязычных (Е. М. Михайлова [2], Я. Р. Стрельцовой [3; 4], Н. М. Фролкина [5], Н. В. Шмелевой [6; 7]) и иностранных (Ф. Бернара [9], Ф. Эрана [14], Ф. Кхосрокхавара [16], О. Руа [25], Х. Тавана [31], О. Вилея [32]) авторов. Основу источниковой базы работы составляют данные статистики и законодательные акты [10—13; 15; 18—23; 26—27; 30].

Предпосылкой к возникновению проблем во взаимоотношениях между иммигрантами и французским обществом стали изменения в процессе иммиграции во Францию, произошедшие во второй половине XX — начале XXI в. Они были обусловлены демографической ситуацией в стране, развитием французской экономики и международной обстановкой, сложившейся после Второй мировой войны.

Во время Второй мировой войны страна понесла сравнительно небольшие потери — погибли и умерли от болезней около 530 тыс. человек [11, р. 20]. Поэтому необходимость пополнения населения Франции посредством иммиграции отсутствовала. На первое место в мотивах приема международных мигрантов стали экономические интересы. Власти страны приветствовали приезд иностранных рабочих, поскольку в период «славного тридцатилетия» 1945—1975 гг. французской экономике не хватало рабочих рук. Не случайно доля лиц наемного труда среди французских иммигрантов выросла с 71 % в межвоенный период до 92,3 % в 1968 г. [5, с. 188—189].

В период экономического процветания наблюдался значительный приток международных мигрантов в страну. В 1975 г. их доля в составе населения Франции достигла своего исторического максимума за весь XX в. — 7,4 % [12]. Однако с 1974 г. французская экономика оказалась в состоянии кризиса. В этих условиях 3 июля 1974 г. правительство премьер-министра Ж. Ширака приняло решение о прекращении внешней трудовой миграции. Суть его заключалась в отказе от предоставления рабочих мест всем иностранцам за исключением граждан стран ЕЭС. Как следствие, количество трудовых мигрантов резко сократилось со 130 тыс. в 1974 г. до 30 тыс. в 1975 г. [17, р. 40].

Тем не менее, в целом приток иммигрантов в страну не прекратился и в 1999 г. их доля в составе населения Франции по-прежнему равнялась 7,4 % [12]. При этом процесс иммиграции претерпел существенные изменения: последняя приобрела переселенческий характер. Многих иммигрантов привлекала не столько перспектива трудоустройства, сколько высокий уровень жизни французских граждан. Основными способами въезда в страну стали смешанные браки, право на воссоединение семьи, право на убежище. К началу XXI в. один из пяти заключавшихся во Франции браков был браком с иностранцем [3, с. 82]. Если в 1973 г. на 153 тыс. трудовых иммигрантов приходилось 68 тыс. членов их семей, переехав-

Автор:

Снисаренко Константин Леонидович — старший преподаватель кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Рецензенты:

Селиванов Андрей Владимирович — кандидат исторических наук, заместитель декана факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Подолинский Владимир Алексеевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры экономической истории института социально-гуманитарного образования Белорусского государственного экономического университета